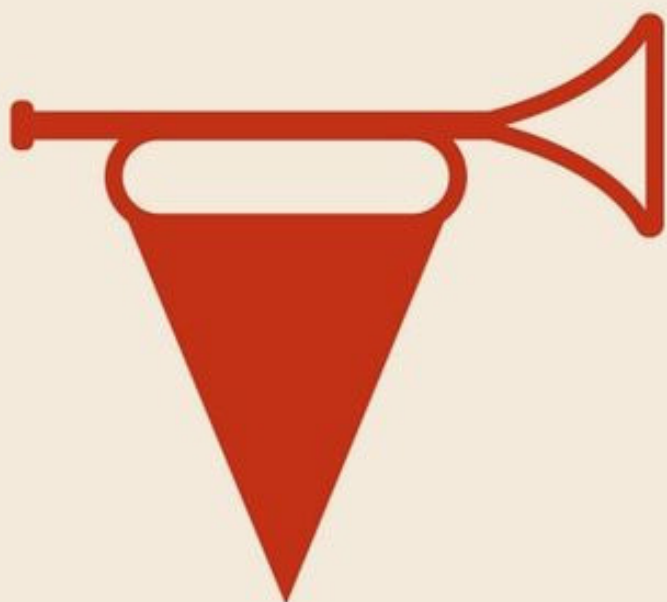

18+

Пётр Матюков

Тибул и его команда

Фантастические рассказы
и древнесибирские былины

Пётр Матюков

**Тибул и его команда.
Фантастические рассказы
и древнесибирские былины**

«Издательские решения»

Матюков П.

Тибул и его команда. Фантастические рассказы и древнесибирские былины / П. Матюков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748672-3

Последний пионер заступает на дежурство в пионерском сквере. Взрослый Буратино устраивается на работу. Конь в пальто вваливается в бар, пока Грека бьется у реки. Что быстрее погубит наш мир: невесть откуда взявшаяся Звезда или Лопасты? Все это и многое другое есть в этой книге. И хотя часто героями будут странные и сказочные персонажи, но на самом деле — это люди. Это — мы с вами. Или они с ними... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-748672-3

© Матюков П.
© Издательские решения

Содержание

Фантастические рассказы	6
Звезда Полярный	6
Тибул и его команда	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

**Тибул и его команда
Фантастические рассказы
и древнесибирские былины
Пётр Матюков**

© Пётр Матюков, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Фантастические рассказы

Звезда Полынь

Горная дорога извивается словно удав, пытающийся задушить гору. Потрескавшийся асфальт, сквозь который пробивается ковыль, иногда сменяется каменной крошкой. Тогда за моим открытым джипом тянутся клубы коричневой пыли, а шум от покрышек начисто заглушает стрекот кузнечиков. Августовское солнце на Алтае – зверь. Жарит, шпарит, обжигает. За руль порой невозможно держаться без перчаток. Еду в бриджах, футболке с коротким рукавом, которая днем быстро становится мокрой от пота, а по ночам высыхает и слегка дубеет от соли. На голове кепка с волонтерской эмблемой: перечеркнутой восьмиконечной звездой. И от солнца защита, и встречным-поперечным знак, чтоб не палили не разобравшись. На джипе, кстати, та же эмблема.

Недели две уже жара. Ни облачка, только холмы, горы, да синь небесная. Загорел, волосы выцвели, смотрюсь в зеркала машины, как белобрысый негр. Зато солнечным батареям хорошо. Джип тянет волонтерский груз в гору на ура, даром что на электротяге сейчас.

Ни зной, ни шум покрышек, ни стрекот из густых трав, ни даже пряный, с привкусом полыни запах пожухлой на солнце травы, не сбивают меня с цели. Чувствую я ее, держу направление. Это первое, чему научил Старый Учитель. Своего рода путеводная звезда, компас. Чувство, которое после Звздопада проявилось у всех людей. Но его можно развить, усилить. Волонтерам без этого – ну, ни как. Только так мы и находим зарождающиеся Звезды, где может потребоваться наша помощь.

Держать-то курс держу, тут ума много не надо, пока дорога попутная, а вот со временем проблемы. Цейтнот. Уже сгустился воздух над капотом перед лобовым стеклом, уже картинку искажает, мешает порядком, когда дорога сужается до ширины джипа, а с краю пропасть, куда смотреть страшно. И этот сгустившийся воздух – вовсе не марево от капота автомобиля, и пахнет не горячим металлом, а озоном пахнет. А значит, скоро явится Звезда, и это я тоже чувствую, причем гораздо сильнее, чем цель, потому что эта Звезда – моя. Обидно, что не удастся добраться до цели раньше. Придется вместо одного боя принимать два. Но плох тот волонтер, который от своей Звезды бежит.

Долгое время дорога шла в гору, почти достигла вершины, но выровнялась, пошла чуть со снижением, потом расширилась, появился приличный асфальт, и после крутого поворота навстречу джипу выскочило селение.

Останавливаю джип на въезде. Тишина, кузнечики не в счет. Пропадь и гора чуть отступили от дороги, и по обе стороны образовалось пространство, где среди можжевельника и лиственниц виднеются с пяток домов. Домики типовые: кубики на сваях на склоне горы. Такие на Алтае строили в двадцатых годах века по турецким проектам. Вход со стороны дороги, одна сторона дома на нее и опирается, противоположная – стоит на сваях, над обрывом. На крутом горном склоне есть даже обнесенные невысоким плетнем участки под огород, густо заросшие бурьяном. Около крайнего дома виднеется ржавый трактор.

Запустение. Штукатурка давно облупилась, обнажая выцветшие кирпичи, словно кости из-под мяса. Те окна, которые выбиты, глядятся пусто и нехорошо рядом с целыми. Захожу в один из домов, где дверь не заперта. Пахнет плесенью. Комнатки маленькие. На втором этаже две спальни, на первом – комната, кухня и туалет. Вещи в относительном порядке, но везде толстый слой пыли, паутина на углах. В одной из спален потрепанные детские игрушки, в раковине на кухне составленная горкой посуда, из техники только стиральная машина, холодильник и небольшой плазменный телевизор, шнуры питания выдернуты из розеток. Из чего делаю

вывод, что скорее всего жильцы эвакуировались, и вряд ли мародеры добирались сюда. Мародерам и смысла-то нет, проще в городах промышлять, вон – полно пустует. Да и кто в нынешнее время мародер? Скорее путник, который выживает как может и пользуется брошенным скарбом, никому кроме него не нужным. За пределами волонтерских центров встретить живых нынче шансов меньше, чем наткнуться на чьи-то кости.

В книжном шкафу, среди кулинарных книг и детских сказок обнаружил забытую хозяевами флэшку. Вставил ее в смартфон. Сигнала здесь, конечно, нет, не позвонишь, да, сигнала вообще почти нигде нет, а вот посмотреть флэшку можно. Глянул несколько фотографий, где на каком-то курорте веселилась семья с двумя девчушками. Ясно, что до Звездопада еще. Долго рассматривать не стал, нет времени, но флэшку сунул в задний карман бриджей. Гляну на досуге. Нравится мне чужую жизнь непохожую, как пазл собирать; прошлое домысливать, будущее додумывать, гадать, есть ли настоящее. Уже уходя, заметил в том же книжном шкафу среди книг клеенчатую тетрадку. Давно таких не используют, а тут недавно волонтерам стали выдавать вдруг. Мол, если что срочное, сподручнее записи делать на бумаге, а не тыкать пальцем в экран или клавиатуру. И надежнее иногда даже, техника более привередливая штука. Словом, регресс. Пожелтевшие листы тетради исписаны стихами. Полистав, выбираю один наугад.

Вечеру раскинув невод,
На понтах – с жабо, побритый...
Под раскрытым настезь небом
Я ловлю метеориты.
Пусть твердят кривые совы,
Мол, не пьян – а хулиганит!
Что мне эти совы, к слову?
С их куриными мозгами?
Что мне менторские нотки,
Наставленья, назиданья?
Я ловлю рукой ошметки
С мясорубки мирозданья!
Да, рукой! И к черту невод!
Невод, старика и рыбу!
Если даже глыба с неба —
Я поймаю эту глыбу!
Чтобы при раскопках, после,
Кто-то грязный и небритый,
Надо мной склонившись, бросил:
Он ловил метеориты...

Ерунда это. Никто теперь не ведет раскопок. И не будет уже вести. И не так у нас говорят. Не метеориты. Звезду, говорят, поймал. Или звездец. Звездец грубее, но по правде больше подходит. Правда – она вообще грубая. Горькая, как полынь. Звезда Полынь.

Тетрадку тоже прихвачу с собой. Сам я не любитель, но может кому из наших и понравится. Не пропадать же добру. Старался человек – каждую букровку выводил, соединял букровки между собой; а не просто тыкал пальцем в экран.

Выхожу на дорогу и останавливаюсь. Как же сразу-то не заметил? Хватку теряю. За трактором, который мирно ржавеет, наверное, летнадцать, обнаруживаю джип, прикрытый ветками лиственницы. Джип пятнистый: зеленый с коричневым, в глаза сразу не бросается.

Эмблемы на нем, как на моем – волонтерские. Что ж, где вы сослуживцы-волонтеры? Ищем, но спокойно, кричать не будем.

Нашел их под домом. Если спуститься по крутой тропинке, там между сваями на склоне горы площадка небольшая забетонирована. Терраса как бы. По сторонам выюны расползлись, тенек и прохлада, вид хороший на горы. И они сидят в садовых креслах, парень с девушкой, и видом этим любуются.

Я сразу все понял, трогать ничего не стал. Постоял только с ними рядом. Если задеть – рассыпятся, еще и кожу обожгут. А так могут долго просидеть. Художник, сволочь. Сам не встречал, но слышал, есть такая тварь. Из жертв манекены делает, располагает их красиво. Тварь редкая, хотя Старый Учитель и на нее рекомендации давал. Но ведь тварь-то редкая, вот что удивительно. Как волонтеры могли вляпаться? Это какой-же неудачный ход надо сделать, чтобы Художник попался? Волонтеров специально натаскивают, гигабайты информации им скармливают, они же других спасать должны, помогать выживать, обучать выживать. А если сам выжить не можешь, какая от тебя польза? Хотя, чушь я несу. Со Звездой определенности никогда не бывает. Порой, ну, вроде бы все ясно, все учел, ситуация наипростейшая, а гарантии, что легко отделаешься, никто не даст. Жалко ребят. Новички, похоже. Обычно по двое, хотя так и рекомендуется, новички ездят. Ветераны – все одиночки. И соображение простое: на одного одна тварь выйдет, на двоих – две. Так что – либо товарищ, которому жизнь доверишь, либо – один-одинешенек.

Вернулся я обратно на дорогу. Солнце какое-то тусклое, настроение поганое. Забросил флэшку и тетрадь в бардачок своего джипа, направился в сторону джипа, укрытого ветками. Иду, носками сандалий камешки распинываю, шишки подошвой давлю, по хвое опавшей шоркаю. Ветки маскировочные убрал совсем, может машина кому и сгодится еще, пусть видят. Машины подгонять друг к другу не стал. Стал из кузова коробки с консервами таскать к своему джипу. С десятков перетаскил, а они килограмм десять-пятнадцать, и расстояние между машинами метров пятьсот. Кузов моего джипа и так забит под завязку, войдет не больше одной. Перетаскал коробки обратно, все десять, загрузил их в кузов, чтобы те, кто найдет, не парились. Вспотел, полегчало. Думал перетащить тюки с одеждой и стопки книг (Краткая энциклопедия Звезд), и не стал. Сел на землю, спиной на колесо опираюсь, губами шевелю, стараюсь ни о чем не думать. Вокруг шмели, мухи и прочие стрекозы летают, муравьи мои ноги обнаружили, карабкаются.

А сам все-таки думаю, потому что нельзя не думать, время-то поджимает. Думаю, что хорошее место здесь, чтобы остановиться. Какое-никакое пространство есть для маневра. Такое, если дальше ехать, может не скоро встретиться. Место хорошее, а примета плохая, кладбищенская, дурная, хуже некуда. Тот, кто суеверный, семь раз перекрестился бы, через левое плечо плюнул, по лиственницам постучал, и все равно бы лыжи наострил отсюда. А человека суевернее меня найти трудно. Понимаю тут, что извечная борьба логики с интуицией происходит. Поэтому терпеливо сижу, жду результата. Сходятся они на том, что остановиться здесь все-таки можно, но только ни в коем случае не въезжать в селение. Пусть джип стоит, где стоит, на въезде.

На том и порешили. Вернулся я к своему джипу. Времени еще – пять вечера с небольшим, костер разводить рано, но веток для костра натаскал, чтобы все было под рукой. Сел в теньке, под деревом, посматриваю как Звезда формируется, нервничаю.

А там воздух загустел еще больше, ну чисто белое облачко, какие в здешних горах по утрам к вершинам липнут. Размер только не тот, да края аккуратные, не размытые. И уже не над капотом это облачко, а ко мне поближе перебралось, парит метрах в пяти, аккуратно над синими ягодами можжевельника, и некий намек чувствуется.

Последнее, что я слышал от высоколобых, будто бы облачко не имеет отношения к самой Звезде, а просто обозначает место и время ее появления. Словно кто-то лазерной указкой

тычет – здесь, мол. Охотно верю, сам проверял байку, что как ни старайся, а Звезда появляется, когда моргаешь. И долго не моргать пробовал, и моргать быстро-быстро, результат один: Вот оно, облачко, моргнул – вот она, Звезда. Видеотехнику тоже привлекали на помощь, но картина все та же: облачко и Звезда всегда на соседних кадрах. Как с частотой раскадровки ни колдуй.

Прозевал и на этот раз – моргнул. Звезда появилась на месте облачка внезапно, бесшумно, но как-то ощутимо; я вздрогнул, всегда вздрагиваю. Вскоре на шее, спереди я почувствовал жжение, ощутил, будто невидимая тепловая нить протянулась из точки между грудной и кадыком в сторону Звезды. Все, привязала Звезда, дала понять, мол, я – твоя, а ты – мой.

Вообще-то, разные они бывают, но всегда восьмиконечные. Одиночке – Звезда поменьше, группе – побольше, видимо, чтобы разглядывать в толпе было удобнее. Форма и цвет бывают разные. Почему так? Как происходит выбор в каждом конкретном случае? Никто толком не знает. Моя Звезда на этот раз представляла собой круг, около тридцати сантиметров в диаметре, из которого выходило восемь изогнутых лучей. Этаким увеличенный сюрикен ниндзя. Толщиной она была в два пальца, а материал напоминал слоновую кость. Я бы сказал, что это и есть слоновая кость, если бы уверен был, что там, откуда эта штука является, водятся слоны.

Через несколько минут где-то под поверхностью, словно под экраном, проступили огненные знаки. Старый Учитель их жучками называл, чтобы запоминать легче было: клопы, тараканы, пауки, многоножки. Однако насекомых на все про все не хватало, в ход шли и геометрические фигуры, и просто предметы, вроде зонтика или танка. Сходство, на самом деле, только условное, знаки чем-то напоминают иероглифы, но с невероятной кучей закорючек и модификаций. Вроде и этот – паук, и тот – на паука похож, а седьмая нога на киселе в другую сторону повернута. Забавно, что сразу после Звездопада китайцы не упустили случай заявить, мол звездные знаки родственны китайским иероглифам, что подтверждает древность и мудрость нации. Причем, было несколько докладов, где довольно пространно объяснялось, почему японские и корейские иероглифы сходству не отвечают. Япония и Корея выпустили альтернативные доклады, арабы увидели сходство знаков с арабской вязью, а российский президент заявил, что вязь бывает и славянская, но Россия тут вообще никаким боком, потому как всегда за мир, против зла, в отличие от Америки. Американский президент ничего заявить не успел, так как вскоре президентов не стало.

На что бы знаки эти ни походили, но до сих пор смысл их остается неясен. Возможно, это некий текст, но может быть – просто обозначение фигур в сложной игре. Потому что Звезда является не просто так, нужно совершить некую перестановку огненных знаков. Сделать ход. А дальше ход Звезды, и от того, насколько верно ты сходил, зависит с кем тебе придется сражаться не на жизнь, а на смерть.

Конечно, было бы здорово, если бы огненные знаки расшифровали. Пусть даже китайцы. Может быть, стали бы понятны хоть какие-то правила игры. А то ведь никаких подсказок. Играй вслепую. Звездопад они, видите ли, наслали, а инструкцию приложить не потрудились. И за что нам такое?

Звезда Полюнь, говорит Церковь, это сказано в Библии, и это многое объясняет. Помоему, ничего это не объясняет, но я верю. Потому что горько.

Восьмирукый Шива начал прекрасный танец смерти, говорят в Индии, поэтому у Звезды восемь лучей. Кто я такой, чтобы не верить очевидному?

Восьмиглавый змей с восемью хвостами, говорят японцы, спустился с небес, чтобы полакомиться человечинкой. Мне нравятся сказки про драконов и Змеев Горынычей, но мне не нравятся восьмиконечные звезды.

Это просто смешно, говорят атеисты и предлагают рациональное объяснение: Идет Третья Мировая Война с вторжением извне. Точнее, Всегалактическая Война. Очевидно, вся Галактика должна участвовать. Но что если земляне не достигли еще необходимого техниче-

ского уровня, чтобы хотя бы долететь до фронта? Что ж... Если Магомет не идет к горе, то гора придет к Магомету.

Слышал я, кстати, еще одну теорию. От Хромого. До Звездопада тот был помешан на ставках, и бился об заклад, что Звезды как две капли воды похожи на ставки у букмекера. Ты передвигаешь знаки, говорил он убежденно, а где-то там, здесь он высоко поднимал брови и закатывал глаза, что-то происходит. Может в футбол марсианский они играют. Если совсем не так сыграли – получи по полной, если немного не угадал – получи поменьше. Но ты понимаешь, здесь он мечтательно закрывал глаза, что будет, если вдруг угадаешь? Если кто-то угадает, хоть раз, то такое получит!.. Хромой говорил, что есть система, основанная на статистике, чтобы угадывать по ставкам. Обещал поделиться со мной выигрышной стратегией, но видимо что-то не учел, потому что однажды поймал Звезду.

Лично я ни с одной теорией не спорю, но пользы от них не ощущаю. Не так важно почему случился Звездопад, важно – что делать дальше нам, пока еще живым. И самое практичное – анализировать накопленный опыт: свой, чужой. И именно этим занимаются и волонтеры, и Старый Учитель, и научные центры. Самое ценное, что может сделать человек: пережить еще одну Звезду, узнать что-то новое, научить другого. За свои тридцать разумных лет я пережил более двухсот Звезд. И даже по волонтерским меркам – это много. Старый Учитель говорит, что я везунчик, и если бы он ловил Дьявола на живца, он бы ловил его только на меня, чтобы тот мной подавился.

Вот ведь сколько эта звездная дрянь зла и горя несёт, и все равно – красивая. Завораживает просто, стоишь как под гипнозом, любишься. Старый Учитель говорит, что это мандраж, мол, неосознанно оттягиваю момент, когда надо вникать в знаки, ход обдумывать. Может быть, но ритуал никогда не меняю – дурная примета. На ход Звезда дает несколько часов, так что минуты роли не играют.

Медленно тяну ладонь к поверхности, рука словно в теплую вязкую жидкость входит. Это Звезда окружена силовым полем. Похоже на ремень безопасности: быстро двигаться не дает; если медленно – подается, если резко – блокируется. Поверхность на ощупь – слоновая кость, но кто знает... Охватываю пальцами снизу один из лучей, тяну на себя, упираясь обеими ногами в землю. Идет сначала еле-еле, но потом подается, постепенно стягиваю ее с можжевельника. Так и плывет она на уровне пояса по инерции, иногда только еще подтягиваю. Тормозить тоже начинаю заранее, чтобы около будущего костра остановилась. Затем также постепенно завожу к Звезде вторую руку, и обеими руками начинаю давить вниз, пока Звезда не оказывается практически на траве. Так-то лучше, опускаюсь рядом, скрестив ноги по-турецки.

Звездных знаков на этот раз не много, почти все они сосредоточены внутри круга, лучи почти-что чистые. Вглядываюсь, пытаюсь за что-то зацепиться, и времени здесь экономить не стоит. Как говорил Старый Учитель, начинайте со скелета, а мясо подтянется. Скелетом может быть симметрия, связанные цепочки знаков, либо абсолютный беспорядок. Словом, некая закономерность. Нужно нащупать ее, а затем определить участки, которые не вписываются в общую картину. Вот там-то ход и надо искать.

Иногда закрываю глаза, знаки остаются гореть где-то в сознании. Потом опять размышляю зряче. А вот ходить вокруг Звезды, смотреть на позицию с разных лучей не рекомендуется – устоявшаяся мысленная картинка смазывается. Наконец, определяю два участка, где знаки кажутся несогласованными. Один нарушает симметрию, другой содержит плохое сочетание: пауки с божьими коровками. Выбираю коровок, исходя из меткого мнемонического правила: ходи по-большому. Коровок много, а на другом участке нарушение симметрии незначительное. И вот дальше возникают сложности. Коровок очень хочется отправить подальше от пауков, но путь упирается в многоножку, обойти которую можно либо справа, либо слева. И никак не могу понять в чем разница, многоножка вроде симметричная, но чтобы было

без разницы – так не бывает. Сижу, сижу, никак мысль не двигается. Ничего не припоминаю насчет подобных многоножек и их взаимодействия с коровками. Только Старый Учитель лезет в голову со своей присказкой: Спокойно и просто он бросился с моста. Невольно начинаю массировать подушечкой большого пальца точку на шее, которая со Звездой связана. Нет, жжение не больше обычного, и невидимая нить не натянулась сильнее, нервничаю просто.

Отвлёкся. Сходил до джипа, вернулся с рюкзаком. В глубину приготовленных веток, составленных шалашиком, просунул белую шайбу сухого горючего, поджег. Вкусно запахло дымом, вспыхнула и защелкала сухая хвоя. Как раз вовремя, дело к восьми, скоро сумерки, распухшее солнце медно-красным тазом накрывает самую высокую гору. Достал из рюкзака потрепанную форму, переделся. Ничего такого особенного, ботинки на толстой подошве, длинные рукава, да ткань поплотнее. Нам в центр привезли боевые костюмы, которые не сковывают движений и чуть ли не удар саблехвоста выдерживают. Но честно говоря, я пока про желающих попробовать не слышал. Это защита, конечно, не нападение. Но есть большое опасение, что также, как и в случае с оружием, боевые костюмы нарушают Принцип Простоты. Его сформулировали вскоре после Звездопада, когда народ по-простецки встречал неизвестных тварей пулями, снарядами и даже ракетами, после чего многие города не просто опустели, а были стерты с лица Земли. Быстро выяснилось, что Звезды оценивают адекватность боя. Если, к примеру, ты выходишь с двустволкой, то вместо волка на тебя выйдет даже не волк в бронежилете, но автоматчик. Чем больше твоя пушка, тем с большей пушкой тебя встретят. Принцип Простоты гласит, что воевать надо проще. Незачем соревноваться с заведомо превосходящим технически врагом в технике. Приедешь на танке – они приедут на лучшем танке или на звездолете прилетят. Поэтому использовать что-то сложнее холодного оружия не стоит, чтобы не уходить в высокую технологию. Со временем Принцип Простоты многократно подтверждался, хотя всегда находились ловкачи, желающие его обойти. Скажем, выходит такой на бой – гол как сокол. А когда противник появляется, быстренько бежит к загошнику и достает пистолет. Но не всегда это срабатывало, Звезды каким-то образом заранее узнавали о том, что боец располагает оружием. Но даже если и срабатывало, то в следующий раз Звезда подсылала противника с учетом случившегося обмана. Принцип Простоты опять подтверждался. Правда, я слышал, что в Индии есть йоги, которые в состоянии самадхи палят из калаша по звездным тварям по чем зря – и ничего. И якобы все потому, что Звезды извлекают информацию ментально, а йоги умеют закрывать мысли, думают о цветочках вместо пуль. Но йоги – товар штучный. Хочется у такого поучиться, только сможет ли он научить? Что-то я в России про такое не слыхивал. У Принципа Простоты есть еще важное следствие, проверенное опытным путем: если победить с минимумом дополнительных средств, то Звезда оставляет тебя в покое на более длительное время. Может, чтобы ты силы восстановил. Поэтому я холодное оружие оставляю в джипе, сразу не беру, использую только в случае необходимости.

Приготовившись, возвращаюсь к Звезде. Спокойно и просто он бросился с моста... По идее, подсознание уже должно было что-то придумать. Так и есть, хотя и не бог весть что, но сойдет. Как говорится, перед ходом не надумаешься. И незачем оттягивать резину в долгий ящик. Хотя Учитель всегда пенял мне на мою склонность к импульсивным решениям. Надо, говорил он, думать и еще раз думать, нельзя отдаваться на волю случая, если что-то неясно – думай дальше, если не думается – все равно думай, никогда не меняй решений без веской причины, не действуй сиюминутно. А я разве спорю? Просто я подсознание загружаю, чтобы не отлынивало.

Нашупываю пуговицу крупнее прочих в районе солнечного сплетения, сильно сжимаю двумя пальцами, чувствую ответную короткую вибрацию. Значит, видеорегистратор включился. Это хорошо, а то барахлил последнее время. Сажусь перед звездой. Перекрестясь три раза и сплюнув через левое плечо, завожу руку в силовое поле Звезды. Касанием указательного пальца отмечаю примерно половину божьих коровок (они теперь светятся ярче) и провожу

линию справа от многоножки до пункта назначения. На Звезде появляется стрелка, а выбранная группа теперь обведена жирной линией. То же проделываю с оставшимися коровками, только направляю их слева от многоножки.

Все. Убираю руку и жду. Звезда дает мне пару минут, чтобы изменить решение, потом божьи коровки оживают и разделившись на две группы начинают огибать многоножку. И тут у меня в мозгу щелкает что-то про соотношение количества ног у многоножки и числом передвигающихся. Точно не могу вспомнить, что за связь должна быть и к чему это ведет. Пытаюсь сосчитать ноги у многоножки (а та уже пришла в движение, изгибается) и одновременно понять сколько коровок в группах по отдельности и вместе. Постоянно сбиваюсь. Рука то невольно тянется к Звезде, то одергивается. Понимаю, что бесполезно уже что-то менять, невозможно уже менять, будь что будет, но подсчет и лихорадочные мысли остановить не могу. Ноги суммируются со штуками, в голове мелькают заученные таблицы. Знаки за знаками, знаками пого-няют.

Съели они ее. Облепили с двух сторон и съели. Дурной знак. И до конечного пункта не доползли. Что ж, если доберусь до волонтерского центра, отдам аналитикам запись видеорегистратора. Пусть копают.

Смотрю, тем временем сумерки незаметно спустились. Солнца не видать, но еще не темно, костерок мой теплится. Ну, я пару заготовленных веточек с сухой хвоей подкидываю ему для подкорма. И встаю между вспыхнувшим огнем и Звездой. Военная хитрость. Они, когда появляются, всегда на огонь пялятся, заминка происходит, можно успеть ситуацию оценить.

Там, где была Звезда, он вдруг и возникает разом. Беззвучно, без вспышек света, без запаха. А Звезды там уже нет, пропала также, как белое облачко до нее. Только не могу понять, какой-то он неплотный, размытый, словно кусок сумерек выдрали потемнее. Постояв у костра, он двигается в мою сторону, и в движении силуэт, наконец, принимает форму человека. По крайней мере, я могу различить голову, руки. В принципе, и ноги тоже, хотя они как бы стелятся по траве, а не вышагивают.

Тварей таких не много, я слышал о трех. Если учитывать, что силуэт прополз через костер, не огибая, то остается только две, и одна из них мне очень и очень не нравится.

Неплотный двигается не шустро, и я провожу пробные маневры: подпускаю его поближе, уворачиваюсь, быстро разрываю расстояние, как бы убегая, останавливаюсь резко. Неплотный действует, как привязанный к запястью воздушный шарик. Или нет, не шарик, шарик-то добрый, его тронуть охота, а здесь – скорее, как консервная банка, привязанная к кошачьему хвосту. Если бегу прочь – банка радостно припускает следом. Останавливаюсь – норовит задеть, ударить, царапнуть. В таком темпе, как он двигается сейчас, я могу избегать контакта довольно долго, но что дальше? Оторваться не выйдет, да и не слышал я еще, чтобы кому-нибудь удавалось убежать. Но даже если убежишь сейчас, догонят в следующий раз. Принцип Простоты. И только так подумал, смотрю, неплотный ускоряться начал. Не то чтобы загонял меня, но пару раз уже чуть не задел. А дневная жара не до конца спала, еще чувствуется, мокрый я уже. Пора бы определяться. Тем более, что темнеет и скоро тени пропадут.

Подпустил я его поближе и веткой лиственницы похлестал. Не сильно так, для порядка. Ветке —ничего, не полыхнула, не изломалась. Неплотному, впрочем – тоже ничего. Тогда я делаю вид, что хочу оторваться от него. Двигаюсь быстро по широкой дуге, а неплотный мне углы режет, как заправский боксер, пытается прижать к горе или обрыву. И в один момент я вроде бы неловко задеваю его кончиками пальцев. Потом повторяю маневр еще раз, но уже задеваю поглубже, кистью.

Как будто в крапиву жгучую руку сунул.

Художник, хрен его побери!

Я не паникую, говорю себе, я спокоен. Спокоен – слово не подходящее, покоем веет, вечным. Уж лучше – хладнокровен. Я хладнокровен, говорю себе. А сам продолжаю двигаться и уворачиваться на автомате, пока мысли собираются. Собираются, собираются, да все не соберутся. То ребята на террасе под домиком голову тревожат, то Старый Учитель является с укоризной. Знаю, знаю – спокойно и просто он бросился с моста... Сейчас самое время вспомнить, что Старый Учитель про художника рассказывал. Потому что он единственный, кто выжил после такой встречи. Отзвездился, зазвездил, звезданул голубчику. И нечего тут шутками да прибаутками мысли мои путать. Ну-ка, Старый Звездун, покопайся в моей памяти и явись в потребной картинке.

Худо-бедно, но что-то вспомнил. Старый Учитель – он такой. Пока не прикрикнешь, нормально не вспоминается.

Сам тем временем петляю, как заяц от лисы. Меж трех сосен. Вернее – лиственниц. Деревьев здесь не много, выбирать особо не из чего. Ускорившись, чтобы выиграть хотя бы пару секунд, прыгаю к одной лиственнице, у которой ствол не толстый и не тонкий, а как раз. Обнимаю ее обеими руками, ногами встаю потверже, чуть с наклоном вперед. А руки при этом ложатся поверх двух веток с противоположных сторон ствола, достаточно прочных, чтобы мой вес выдержать. Прижимаюсь лбом к бугристой коре, пахнущей свежей смолой. Глаза сами собой замуриваются.

Сзади по всему телу в меня впиваются комарики. Потом комары, комарищи, шмели, гвозди. Словно кто-то по ошибке записал меня в йоги. Едва успеваю начать дыхательную практику, чтобы не потерять сознание. Сознание терять нельзя никак, если нет желания стать частью свежего натурморда Художника. И вот когда кажется, что нельзя думать ни о чем, кроме этой боли, этих ужасных гвоздей – приходят видения.

Саблехвост наносит удары с разных сторон. Рубящие, колющие, иногда будто хлыстом щелкает. Еле успеваю парировать бердышем. В центре пещеры Учитель лежит на боку, в крови, рядом с еще одним, рассеченным надвое саблехвостом. Думаю, чья кровь? И зазевавшись пропускаю удар в грудь. Падаю. Крутятся вверху сталактиты, и меня затягивает какая-то воронка из камней, сталактитов, бердышей... знание... кричит... Учитель кричит. Сознание... кричит Учитель. Главное, не терять сознание, не утонуть в видениях. И мысли уже связные, и не было такого, мы вообще с саблехвостами вдвоем с Учителем не сражались. Это помнится с Хромым...

Снова боль. Гвозди раскалились. Сзади как будто кто-то наваливается, тяжелеет. От этого еще больнее. Но краешек сознания почему-то радуется. Неужели едет крыша? Откуда радость? Главное, не забывать про дыххх-хание... А кричать нельзя. Кричать и двигаться нельзя. Только не двигаться, потому что боль станет невыносимой, сознание не удержать... И стоять... устоять... ять!

Ладони и стопы мои прибиты гвоздями к деревянному кресту. Но боли нет, есть покой. Покой охватывает все тело, голова склоняется на грудь. Глаза. Так приятно закрыть глаза. Боль! Печень разрывают когти и клюв. Чертов орел! Никак не отвяжется. Или это Старый Учитель летающими когтями фэйчжуа рвет мне бок? Старый Учитель?

Раскаленные гвозди превращаются в длинные саморезы. Тот, кто наваливается на меня сзади, кажется, закручивает их все одновременно. И мне надо держать дыхание. А я даже не могу понять дышу или нет.

Ее уносят от меня. Мою пятилетнюю Катюшку. На руках ветерана она сидит спокойно, улыбается и машет мне ручкой. Потому что я ей все рассказал вчера, ответил на все вопросы, убедил, что все будет хорошо, и скоро она вернется ко мне после каникул. Я соврал. Я тоже улыбаюсь и машу рукой. И слезы. В глазах слезы. Она не может их видеть. А я и не знал раньше, что можно так улыбаться, чтобы слезы наворачивались. Оказывается, трудно, но можно. А может, мне только кажется, что плачу. Я ведь никогда не плачу. С пяти лет. Группа немощных, стари-

ков, больных, тех, кто не может сам защищаться от звездных тварей, уходит за Порог. Ветераны из волонтеров едут с ними, чтобы защитить. Насколько получится. Когда-нибудь и я выйду на пенсию, и отправлюсь за Порог. Я вспоминаю, как стою в центре комнаты перед столом, за которым сидят четыре понимающих, сочувствующих человека, и как командир гарнизона еще раз объясняет мне, что накопилась критическая масса, бойцы и волонтеры не справляются, надо изменить соотношение бойцов к мирному населению, что пришло время, и я должен все понимать, так как сам боец, а если оставить все, как есть, то погибнут все, не сегодня, так завтра, потому как арифметика проста и неумолима, чем больше людей в группе, тем больше Звезда найдет тварей, и тут уж ничего не попишешь. А я говорю ему, что да, все понимаю. Звезда Полынь. Горькая Звезда. И я все это вспоминаю, и понимаю, но бегу к ветерану и Катюшке со всех ног. Потому что я не знаю, сколько они там протянут за Порогом, на сколько времени у ветеранов хватит сил, чтобы продержаться. Но я знаю, что из-за Порога не возвращаются. И я хочу еще раз обнять Катюшку. И догоняю, и обнимаю. А сзади кто-то тяжеленный наваливается мне на плечи... отрывает меня от нее...

Я бью правым локтем: с разворота, чуть вниз и насколько возможно за спину. Локоть находит пружинистую, но вполне осязаемую массу. Затем левым локтем. И кричу. Потому что чувствую, как саморезы, ввинченные в мою плоть, выдираются с мясом. Но сейчас эта боль целебная. Руки нащупывают за спиной что-то склизкое и холодное. Ничего, ухватить можно. И я хватаю, и отрываю, и сбрасываю на землю шевелящееся нечто. Он тут же поднимается: черный, трудно различимый в темноте, в свете почти потухшего костра. Но уже осязаемый, плотный. Как насосавшийся клещ. Терпи, говорил Старый Учитель, терпи, пока насосется твоих мыслей. Вытерпишь – сбросишь. И я вытерпел. И уже не так горят мнимые раны на спине, в которые Художник заставлял меня верить. Гораздо сильнее горит рана в сердце, о которой я однажды приказал себе забыть, которую давно забыл, и по которой эта тварь полоснула.

Я прыгаю вперед. Кулаки раз за разом находят цель, и с каждым ударом я кричу. Это не слова, я не утруждаю себя словами. Это вой, хриплый, срывающийся, то низкий, то высокий, идущий откуда-то изнутри грудной клетки, рвущий горло. Собираю пальцы в китайский нож. Теперь пришло время терпеть ему. За Катюшку, за ребят под домиком, за Хромого. За то, что лезет эта тварь восьмиголовая в чужой мир, за то, что сапоги с восьми ног не снимает, за то, что обозвалась Полынью, а это моя любимая трава, мой любимый запах. В отличие от обычного кулака указательные пальцы в китайском ноже пронзают плоть Художника. Еще и еще. Из проткнутой туши толчками бьет жидкость, пахнувшая помойкой. Еще и еще. Пока туша не валится на меня. Пока я не валюсь на землю, поднимаюсь и с трудом заставляю себя сесть. Тело дрожит. По лицу что-то течет, по глазам, по щекам. Думаю, это не слезы. Я ведь никогда не плачу.

Нащупываю траву, рву изрядный клочок и вытираю лицо. Во дела – полынь! Трава полынь. Горькая.

Тибул и его команда

Дольше всего ждали Тибула; в тринадцатом классе уроков восемь, девять – это норма. Блажка лежала на траве, считала облака; а Сыча сидел, прислонившись спиной к тополи. За пивом он уже смотался; три жестяные банки «Классного» стояли на траве. Но пиво – не для питья, а чтобы от обычных школьников не отличаться.

Я тоже лежал. Мне вообще нравится лежать на земле; то прижиматься животом (так хорошо и спокойно); то вдруг переворачиваться на бок и смотреть туда, где опрокинутая земля сходится с небом.

Но сейчас я просто наблюдал за Блажкой, пытался понять, о чем она думает. Вернее, не накатило ли на нее очередное видение. Было бы интересно послушать... Иногда Блажка видела слова. Так она рассказывала. Но слова шли не по порядку, словно каждое из них торопилось первым попасться на глаза. Все перепутывалось, и понять что-то было нереально. Я бы не смог, наверное. И Блажка тоже не могла: если случалось видение, долго потом сидела, молчала, а глаза – пустые-пустые. Но через какое-то время (день, два, неделя) беспорядочные слова вдруг складывались в связные отрывки, и Блажка пересказывала их нам.

Одно время спорили: правда ли в этих рассказах или нет. Потом Тибул (тогда его звали иначе, но я подзабыл как) сказал, что все – правда, потому что он, Тибул, хотел бы жить в том мире, а если кто считает, что все – неправда, пусть идет на урок демократии. И еще Тибул сказал, что берет себе имя Тибул (в честь одного из тех героев), и все, кто с ним, будут его командой.

Я повернулся и увидел, как из школы выходит Тибул: возбужденный, с горящими глазами. Бухнулся рядом с нами, рассказал, что собирали в актовом зале старшие классы, что выступал приглашенный регулятор. Сначала все было как всегда, будто еще один урок демократии, а потом (тут Тибул сделал паузу и посмотрел на каждого из нас) стали говорить, что в городе появилась банда пионеров!

Сыча присвистнул, мы с Блажкой переглянулись. Тибул выставил правую руку ладонью кверху, и каждый, кроме меня, положил на его ладонь свою. Негромко прозвучало древнее заклинание: «Один для всех, и все для одного!»

Однако долго обсуждать не стали – на сегодня было одно дело... Подобрали пиво и пошли через дворы к заброшенной водонапорной башне. Когда проходили перекресток у клуба «Луна», встретили регулятора. Он стоял под огромным щитом, на котором был изображен указательный палец и надпись: «Учись делать выбор!». Регулятор постукивал жезлом по ладони, отчего щит казался еще строже... Но к нам было не подкопаться – идем с уроков, пьем пиво.

Регуляторский жезл напомнил мне историю, как Сыча, однажды спросил на уроке демократии: «Правда ли, что жезл у регуляторов не белый с черными полосками, а черный с белыми?». Так и выдал. Слава богу еще не спросил: «Что главнее: демократия или правда?». Но все равно его повели к директору, где стали выяснять: пьян ли он, или к регуляторам захотел. Хорошо, у Сычи хватило ума сказать, мол, к регуляторам не хочу, и правдоподобно при этом пошатнуться.

Около компьютерного клуба «Клава» к нам подошли квакеры во главе с Мышем. Мыша со своей командой на той неделе выиграл в Quake какой-то крутой турнир, и теперь при встрече начинал разговор так: «И не спрашивай, просто мы были сильнее». Хотя его никто ни о чем не спрашивал... Тибул недолго поболтал с ним, договорился зарубиться на выходных, и квакеры спустились в подвал кирпичной высотки, чтобы присоединиться к другим таким же: уткнуться носом в огромный монитор, а руками управляться с мышкой, джойстиком и клавишей не хуже, чем управляется с роялем пианист-виртуоз. Нет, вру – гораздо лучше управляться...

Тибул знал Мышу еще с садика, дружил, и поэтому сильно переживал, когда Блажка однажды рассказала, что пионеры враждовали с квакерами. Более того, оказалось, что одного из самых крутых врагов Тибула звали Мишка-Квакер, и хуже него были только Толстяки.

Это стало целой проблемой. Наверное, около месяца мы следили за квакерами, искали неправду. Больше всех старался Тибул: ходил с красными от недосыпа и ночных дежурств глазами, стал раздражительным. Ничего не нашли. Тогда Тибул сказал, что он считает квакеров нормальными ребятами, но если мы скажем, что истинный пионер должен квакеров мочить, он, Тибул, готов вести нас в бой. За всех ответил Крот (он к тому времени уже присоединился к команде), выразился в том духе, что, как известно, Тибул и его команда бились за правду: не за демократию и не против демократии, не за квакеров и не против квакеров, а за правду; но чтобы биться за правду, нужна неправда, иначе будешь биться с правдой; у квакеров же неправды нет, так что если Тибул хочет, может вести в бой кого угодно, кроме Крота, потому что Крот искал правду, и думал что нашел ее здесь, потому и остался, а теперь, видимо, уйдет опять. Тогда Тибул рассмеялся, и необходимость Кроту уходить отпала.

Водонапорная башня могла считаться заброшенной лишь с некоторой натяжкой. С недавних пор здесь обитал Крот. Он умудрялся проникать внутрь наглухо заколоченного строения совершенно незамеченным. Так же и появлялся – неожиданно, как будто из-за угла. Хотя углов-то в круглой башне как раз и не было. Чтобы расколоть этот фокус, мы устраивали засады, но безуспешно. Лично я подозревал, что существует какой-то подземный ход...

Крот был старше всех, но главенство Тибула признавал, и вообще с командой у него особых проблем не было. Проблемы были с народными избранниками. Вроде как случилась грязная история, когда пьяный насмерть задавил его девушку, или сестру (Крот никогда никому ничего не рассказывал, и приходилось довольствоваться слухами). Водитель оказался депутатом, и дело не то чтобы замяли, а даже и заводить не стали. Регуляторы спросили только, надо ли помочь с похоронами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.